

✦ Профессиональное кредо

UDC 101.1/9

DOI: 1606-951X.2015.2.2112

Ю.М. РЕЗНИК, В.Г. ФЕДОТОВА

ФИЛОСОФИЯ КАК ОБЩЕЕ ДЕЛО СВОБОДНЫХ ЛЮДЕЙ (В ПОРЯДКЕ ДИАЛОГА)

Аннотация: *Разговор между двумя специалистами в области социальной философии привлекает внимание остротой обсуждаемых проблем, их социальной актуальностью. Он посвящен судьбе самой философии и её участию в общественной жизни. Философия рассматривается авторами как общее дело свободных людей, которые открыты диалогу, имеют значительный опыт рефлексии социальных реалий и стремятся привнести свои идеалы в общественные преобразования.*

Abstract: *This conversation between the two experts in the field of social philosophy attracts the attention by the acuteness of the issues under discussion, and their social relevance. The interview focuses on the destiny of philosophy as such and its role in the social life. Philosophy is considered by the authors as a common cause of the free people who are open to dialogue, have a considerable experience in reflection over social realities and seek to introduce their ideals into the social transformation.*

Ключевые слова: человек, общество, академическая наука, философия, философствование, диалог.

Keywords: human being, society, fundamental science, philosophy, philosophizing, dialogue.

Резник Юрий Михайлович: *Уважаемая Валентина Гавриловна! Я знаю Вас еще с конца 1980-х годов и внимательно слежу за Вашей деятельностью и новыми книгами, которые вызывают у меня нескрываемый интерес. Нас связывают с Вами давние и добрые отношения, совместные конференции, образовательные программы.*

Вы — один из самых цитируемых авторов в отечественной философии, имеющих высокий научный рейтинг. Сегодня, когда непрерывно растёт число научных публика-

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва). E-mail: reznik-um@mail.ru.

Федотова Валентина Гавриловна — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва). E-mail: valentina_fedotova@front.ru.

ций, почётно быть даже в первой сотне исследователей в своей области. Вы же попали в первую десятку и возглавляете список наиболее авторитетных философов России наряду с П.П. Гайденко, В.В. Стёпиным, В.А. Лекторским, А.А. Гусейновым, Н.В. Мотрошиловой и др. Считаю, что – это заслуженный результат Вашей многогранной деятельности. Вы всегда отличались целеустремленностью, последовательностью и верностью своему профессиональному долгу. Даже в самые трудные времена для отечественной философии Вы оставались в профессии и профессиональном сообществе.

Позвольте задать Вам несколько вопросов, связанных с нелегкой судьбой российской философии и Вашим личным участием в ней. Вопросы сгруппированы в тематические блоки. Отвечать на них Вы можете в любом порядке. Меня интересует в первую очередь Ваша точка зрения на роль философии в современном российском обществе.

Хочу предупредить, что некоторые вопросы могут показаться Вам не совсем корректными или двусмысленными. Заранее приношу за них извинения. Но мне трудно отказать себе в удовольствии немного потревожить Ваш устоявшийся «внутренний» порядок и хотя бы чуть-чуть поколебать сложившуюся систему самооценки. Такова не очень приятная роль интервьюера, если последний желает вызвать собеседника на откровенность. Не судите меня строго.

О социальном назначении философии

Ю.М.: Наш великий соотечественник и философ Н.Ф. Федоров рассматривал философию как общее дело свободных людей. Он ставил вопрос о братстве как духовном родстве. Философия есть дело помощи в духовном единении личностей, которые сегодня, как и в прежние времена, крайне разобщены. Об этом же говорит сегодня В.П. Визгин, полагая, что философия есть беседа «души с самой собой в свете ее притяжения к мудрости, которая вряд ли мыслима без братского единения людей» [2].

Свой вариант участия гуманитариев, в т.ч. и философов, в обустройстве российского общества предлагают официальные идеологи государства. Явно или неявно они поддерживают и развивают идею интеграции русскоязычных народов, проживающих на постсоветском и укрепления так называемого русского мира. По сути дела, речь идёт о возрождении Российской империи, возможно, в более мягком виде.

Что, с Вашей точки зрения, может сделать отечественная философия в построении картины нового мира, основанного на духовном единстве и социальной солидарности? Вы об этом пишете в ряде своих статей. Как Вы относитесь к идее русского мира и возможному имперскому будущему России? Имеются ли у Вашей (авторской) философии интеллектуальный потенциал и проектные возможности для создания альтернативного проекта общества?

Федотова Валентина Гавриловна: Этот вопрос уже есть тот вопрос-ловушка, о котором Вы меня предупредили? Я не ставлю перед собой вопроса: что может сделать отечественная философия в построении картины нового мира, основанного на духовном единстве и социальной солидарности, несмотря на то, что я писала и о проблемах духовности, и о социальной солидарности. Я отрицаю такую постановку вопроса в столь драматическое время, изменить которое одна философия не в состоянии. Проблема империи снята сегодня с повестки дня. Картины мира различны и построены не только философией. Русский мир существует и важен и для России, и для русских, живущих за рубежом. Он интегрирует начала русской идентичности как феномена культуры в России и мире, представляет позитивный имидж России. И это

важно. Как говорил социолог У. Томас, «если нечто признано за реальность, то оно реально в своих последствиях».

Ю.М.: Независимо от Фёдорова К. Ясперс, размышляя о назначении философии, писал: «Философия — цель истинной общности само-сущих людей, — была делом индивидов, которые в неслыханном избытке собственной боли и собственной достоверности свидетельствовали нам из одинокой дали, — не призывая нас последовать за ними... Но сами мы философствуем не из одиночества, а из коммуникации. Исходным пунктом для нас становится: как относится и действует (steht und handelt) человек к человеку, как индивид к индивиду...» [3, 20]. Мне нравится выражение «истинная общность само-сущих людей». Наверное, к философам это не имеет прямого отношения. Но можно ведь немного пометать и представить себе, что такую общность без участия философов невозможно создать.

Как Вам известно, философия утверждает и отстаивает принцип диалогичности в поиске и построении моделей возможного общества. Но могут ли отечественные философы претендовать сегодня на роль методологов и экспертов в моделировании социальных процессов? И как им следует вести диалог с властью и гражданским обществом? Ведь попытки участия отдельных философов в публичных дебатах пока не увенчались успехом? Нас упорно не приглашают на теледебаты, политические форумы и другие представительские мероприятия, призванные сформировать позитивный имидж действующей власти. Парадокс ситуации заключается в том, что от имени российских философов выступает на них главный редактор газеты «Завтра» Александр Проханов, пропагандирующий в духе мистицизма силу и мощь государства. Может быть, стоит поменять приоритеты и формы философствования? Кому, как не ему, выступать рупором новых философских идей. Нынешняя философия по-прежнему весьма далека от публичных дискуссий и не может претендовать на роль медиатора, а сами философы оказались слишком далеки от запросов общества, предпочитая занимать собственными интеллектуальными играми.

В.Г.: У меня нет столь пессимистического взгляда. Могу сказать, что сектор социальной философии сотрудничает с Институтом экономики РАН, с Институтом социологии РАН, с ИМЭМО РАН, с Вашим интересным журналом, с журналами «Полис», «Вопросы философии», «Мир перемен», «Знание, понимание, умение», «Философский журнал», «Социс», «Философские науки», «Развитие и экономика», «Экономические стратегии», «Журнал социологии и социальной антропологии», «Международная жизнь» «Social Sciences. A Quarterly Journal of the Russian Academy of Sciences», участвует во многих междисциплинарных конференциях, включает в свои проекты вопросы социального познания, социальной философии науки, социальной политики, публичного пространства и модернизационных проектов.

Проблема «Диалога» давно исследуется нами, в частности путем участия с 2003 года в международном форуме «Диалог цивилизаций». Дело только в том, что многие надежды на глобализацию, мультикультурализм, толерантность, диалог были восприняты как панацея от всех бед, тогда как они сами всегда являются проблемой. Ни многочисленные научные связи с другими специальностями, ни широта нашего познавательного поля, ни международные связи, ни наша роль в публичном пространстве (в прессе, на радио, по телевидению) не делает нас концептуально закрытыми в мировоззренческом и теоретическом плане. Запросы общества не сводятся к завершенности концепции и идеологии. Как раз наоборот. Мы привлекаемся как эксперты и консультанты различных социальных проектов и программ.

Философия сегодня не развивается как единая концепция и как единая методологическая программа. Она во многом представлена совокупностью различных исследовательских программ, которые могут найти свое применение в зависимости от исследуемой проблемы. Даже в эпоху философской классики было много концепций и философских учений, которые не совпадали и даже противостояли друг другу. Но вот чего бы я хотела, так это того, чтобы философия была «целью истинной общности само-сущих людей».

Ю.М.: Кстати, вопрос об играх, в которые играют отдельные философы, а иногда и целые коллективы. Так, например, некоторые наши коллеги демонстрируют нам возможности философствования как полухудожественной игры. Часть из них (Ф.И. Гиренко, В.А. Подорога и др.) уподобляют философию театральному искусству по способу публичного выражения и проигрывания ситуаций.

Конечно, у философствования есть нечто общее с театральной площадкой. Но лишь немногим философам удаётся создать при жизни театр собственной мысли. Ведь театр, как и любое крупное учреждение, предполагает команду единомышленников или группу поддержки, а также вряд ли удастся сделать, хотя в ИФ РАН имеется попытка запустить проект философского клуба. К тому же не каждый философ может себе это позволить. Я знаю многих известных философов, которые, обладая ораторским даром и несомненными творческими способностями, так и не обзавелись театральной группой, предпочитая оставаться театром одного актёра. Для руководителя и главного актёра собственного «театра мысли» нужны еще организационные способности и лидерские качества.

Как Вы относитесь, с одной стороны, к попыткам придать философии публичный характер или уравнивать её в правах с любой медийной практикой, в т.ч. организовать различные театральные площадки в пространстве философского дискурса? С другой стороны, считаете ли своё философское творчество театром одного актёра или коллективным предприятием, социальным театром? Для этого Вы должны быть сильно заинтересованы в трансляции своих идей в массы.

В.Г.: Я вряд ли могу поставить в один ряд Гиренка и Подорогу. Это совсем разные люди и разные философы. Не совсем разделяю и убеждение в отношении идеала единственного жанрового образа философии. В истории философии мы находим ранние и более поздние труды Канта; полностью выстроенные философскую логику и философию истории (Гегель); афоризмы и суждения в «Опытах» Монтеня, философские художественные произведения, вершиной чего признан «Фауст» Гете и прочее жанровое многообразие философии. Это — неоспоримый и непреходящий исторический факт.

Что касается философских клубов, в ИФ РАН в течение более десяти лет работал «Философский клуб», руководимый В.И. Толстым. Я была его постоянным участником. В годы тяжелых политических и социальных конфронтаций эпохи М.С. Горбачева и после распада СССР, споров о демократии, о капитализме и др. высококвалифицированные специалисты социальных наук, преимущественно философы, вели дискуссии по актуальным проблемам по схеме: два выступающих, имеющих разное концептуальное видение, их выступления. Клуб имел правила: выдвигать аргументы, не касаясь личностей, не допуская грубостей, избегая митинговых форм. Зал дискутировал выявленные позиции, пытаясь превратить конфронтацию в диалог. Я написала об этом опыте как о маленькой модели общественного договора.

Мне кажется, что отличающая сегодня философов позиция авторского философствования делает нас как театром одного актера, так и театром нашего института, и театром философского сообщества на сцене нашего собственного философского, социально-гуманитарного и публичного пространства. И здесь важнее всего не театр и его актеры, а упомянутая Вами атмосфера «истинной общности самосушных людей». Она не идеальна и разрушается многочисленными притязаниями, одновременно препятствуя необоснованным притязаниям и устанавливая этот сложный баланс.

Меня, скорее, волнует не отсутствие концептуальной целостности философствования нашего сообщества, сколько новые тенденции ослабления этой «общности само-сущих людей» — многих выдающихся и ушедших стали забывать. Стало мало памятных встреч по поводу знаменательных дат наших ушедших коллег. Сектор В.А. Лекторского всегда хранил память о человеке и его вкладе в философию и был примером для всех. Последнее, что было заметно, это вечер памяти светлого человека В.Ж. Келле, организованный М. Киселевой, семинары памяти И.Т. Фролова, сохранность памяти о котором защищает Г.Л. Белкина.

Я пыталась сохранить память замечательно талантливой Л. Косаревой, издав её книгу, но официально права принадлежат родственникам и продолжить это дело трудно. Обидно за Э.М. Чудинова, написавшего прекрасную книгу о природе научной истины. Приходит молодежь, а кто из них знает знаменитую «тройственную» статью М.К. Мамардашвили, Э.Ю. Соловьева, В. С, Швырева, повернувших советскую философию к новой парадигме философии, в которой мы сейчас живем?

Ю.М.: Для некоторых философов их деятельность сопряжена не только с созерцанием, но и с проектированием бытия. Свои онтологические проекты предлагали философы разных эпох, в т.ч. экзистенциалисты (Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер и др.). Теоретически можно говорить о проекте социального бытия или о глобальном проектировании. Ведь многие социальные философы и теоретики подобные проекты уже предлагали: например, проект миро-систем Валлерстайна, проект автопоэтических систем Н. Лумана и др. Но, к счастью или к сожалению, они не получили широкой поддержки и остались в стороне от идейных предпочтений национальных и мировых элит. В идеологическом плане мир по-прежнему расколот на Восток и Запад, Север и Юг, демократические и авторитарные социальные порядки, культурно-религиозные формации и т.д.

Вы тоже пишете о социальном конструировании приемлемого для жизни общества. Как Вы относитесь к самой возможности создания глобального проекта, направленного на формирование общего будущего человечества и построение нового миропорядка? Можно ли построить такой проект в современной философии, который соединит преимущества существующих проектов? Насколько для этого подходит модель «хорошего общества»? И в чём, на Ваш взгляд, могли бы состоять контуры желательного социального будущего?

В.Г.: Мне кажется, что то, что названо Вами проектами, было одновременно отображением некоторых объективно существующих состояний. Проекты глобального замысла могут, конечно, предлагаться, но их некому выполнять из-за реального разнообразия. И многие из них провалились, как, например, проект глобального мультикультурализма, перенесенный в ЕС. В своей книге «Хорошее общество» я имела в виду конкретное общество, приемлемое для жизни. Этим заголовком я пыталась отместить утопизм поиска совершенных, идеальных обществ. В основном процессы нашего времени направлены не на то, чтобы сделать общество совершенным, а на то, чтобы сделать его современным.

О философии в контексте реформы академической науки

Ю.М.: Валентина Гавриловна! Философия, как и фундаментальная наука в целом, оказалась в центре реформирования РАН. Её социальная востребованность и экономическая целесообразность ставится чиновниками от науки под большой вопрос. Нас ожидают нелегкие времена. Как мы знаем, в кабинетах чиновников готовится решение о существенном сокращении научных сотрудников РАН.

Как Вы оцениваете ход «реформирования» академических институтов и какое место в нём уготовано, на Ваш взгляд, Институту философии РАН, другим философским учреждениям? Можете Вы как опытный социальный аналитик дать общий прогноз развития российской философии в ближайшие пять лет? Удастся ли ей сохранить академический статус или она будет присоединена к ведущим университета страны?

В.Г.: На этот вопрос я даю ответ в только что вышедшей книге «Академическая и постакадемическая наука как социальная проблема» (М.: ИФРАН, 2015). В этой работе я рассматриваю некоторые проблемы социальной философии науки и главный из них: превращение способов организации науки в социальную проблему, т.е. проблему, затрагивающую общество в целом. Бюрократизация системы управления научными организациями и университетами имеет явные перегибы, особенно тяжелые в провинции. Мне кажется, что преподавание философии, если оно квалифицировано, обязано сохранять академический статус и в ВУЗе, не только в РАН. Я весьма сомневаюсь в том, что это возможно в условиях объединения нескольких университетов областных центров в один университет.

Механизм коррупции быстро сработает тут в пользу «своих», а не наиболее квалифицированных преподавателей в условиях неизбежных сокращений. Думаю, что философские дисциплины в условиях управления бюрократами неспециализированного профиля пострадают не только в академизме, но и просто в своем существовании. Философам РАН возможно придётся выполнять не только исследовательскую, но и проектную работу, но я надеюсь, что это не зачеркнет традиции академической философии России.

Ю.М.: В общем деле философии по-разному осмысливается роль государства и его научной политики. Так, Н.А. Бердяев был убежден, что философия не может быть государственной или буржуазной философией, т.е. духовным пристанищем чиновников и буржуа. «Философ, — подчеркивал он, — не может служить государству или политическим партиям, академиям или профессиональным целям..., не может быть на службе у людей и у частных целей человеческих» [1, 291].

Академическая философия в ходе так называемого реформирования теряет свою автономию и переходит под внешнее управление недавно созданного федерального агентства. Чиновники от науки воспринимают нас как бездельников или в лучшем случае нахлебников, которых надо временно пристроить, чтобы, в конце концов, вытеснить из научного пространства. Философия как учебная дисциплина постепенно сокращается в образовательных программах вузов. С учетом всего этого я делаю вывод, что философия нашему государству не нужна, как, впрочем, и фундаментальная наука, далекая от интересов ВПК. Она не нужна и нашему полукриминальному бизнесу, который, находясь под гнетом коррумпированной бюрократии, пытается выжать все соки из рядовых потребителей.

Что Вы думаете об этом? Есть ли будущее у отечественной философии и можно ли ожидать в ближайшее время изменение отношения к ней государства? Или пора забыть о государственной опеке и пытаться выжить в рыночных условиях, подавая заявки в разные научные фонды, многие из которых находятся опять под контролем государства

или обслуживают интересы определенных бизнес-структур? Но тогда это будет другая философия. Должна ли философия служить государству, бизнесу или у неё имеется свой собственный путь? И в чём он состоит?

В.Г.: Философия при всей своей видимой абстрактности – ресурс фундаментальных объяснений происходящего и всегда связана с обществом и государством, хотя и не всегда им служит. Русская философия всегда была на острие общественных проблем, полемики о соотношении традиций и модернизаций, нравственных вопросов. Я считаю кошмаром объединение министерств просвещения, образования и комитета по науке, при котором захвачены ключевые позиции компетенцией «просвещением», склонным к контролю.

Целью министерства просвещения была школа, методики, детальные предписания для социального контроля и создания общих основ школьного образования. В огромной мультикультурной, мультиэтнической, отличающейся регионами стране это было необходимо. Но у высшего образования и науки другие цели, а сегодня бюрократическое управление вменяет им задачи просвещения в указанном школьном смысле. Лотерея ЕГЭ когда-нибудь будет сравнена с революционными инновациями после Октябрьской революции, например, с бригадным методом сдачи экзаменов. И будет высмеяна. Показ технического творчества школьников по телевидению очень вдохновляет, но выдающиеся достижения сегодня связаны с фундаментальной наукой, в том числе и с философией, которая к тому же – фундаментальная база развития человека, общества и государства.

Просвещение (не в смысле поборников выровненного школьного просвещения, а в высоком смысле этого слова – подъема, развития общества, государства и людей) зависит от отношения к философии. Сокращение и объединение ВУЗов как запоздалая реакция на их невиданное размножение в 1990-ые годы осуществляется таким образом, что должен встать вопрос о коррупции, поскольку каждый знает случаи увольнения достойных преподавателей для их замены на «своих». Приведу известный мне пример, когда на кафедру, преподающую математические методы в экономике, были зачислены кандидаты экономических наук, занимающиеся свиноводством и экономической географией, изучавшие математику только в школе.

Ю.М.: *Валентина Гавриловна! У нас есть с Вами общий интерес – гражданское общество и его философское обоснование. Прошли годы после защиты моей докторской диссертации, и я постепенно стал утрачивать этот интерес. Вы же формально (и не совсем) – руководитель одноименного научного направления ИФ РАН. Утверждать однозначно, что в России нет, и не может быть гражданского общества, я не могу. Но могу предположить, что и Запад, который выпестовал данное общество, давно потерял к нему интерес. А российские исследователи по инерции или по указке сверху затёрли до дыр проблематику гражданского общества.*

Я же предпочитаю сегодня говорить о постгражданском обществе, границы которого постепенно размываются не только авторитарным государством, но и неправительственными организациями, занимающиеся откровенным бизнесом. Его уже нет в классическом виде на Западе, а мы продолжаем дудеть в дуду. Стоит ли опять копировать чужой опыт и консервировать гнилые фрукты, заведомо зная, что их никто и не будет употреблять в пищу. Хотя, для власть имущих продолжение разговора (но не дискурса) о гражданском обществе является отвлекающим манёвром. На декоративном фасаде российской действительности идеологам требуется всеми силами имитировать единство, поддерживая в массах иллюзию, что у нас всё, как у людей, даже своё, доморо-

ценное гражданское общество имеется. Массы ведь питаются мифами и социальными утопиями. И им нужна постоянная идейная пища.

Надеюсь, что Вы со мной не согласны и будете возражать. Но вопрос мой относится не к самому гражданскому обществу, как таковому. Меня волнует другое. Все социальные исследователи, предлагающие собственные проекты, так или иначе, участвуют в идеологическом строительстве, влияя на ситуацию изнутри страны. Любой проект — это рационально обоснованный миф или утопическая конструкция, не обязательная к построению, но побуждающая к действию.

Мне лично не удалось уйти от греха. Многие годы я подпитывал своей энергией миф о гражданском обществе. Вы же продолжаете этим заниматься на своём уровне. Отдаёте ли Вы себе отчет в том, что своими усилиями продлеваете жизнь этого мифа? По-видимому, у Вас имеется своя версия гражданского общества для России. Но одного этого мифа мало. Наверное, проект национальной модернизации России, апробированный Западом в развивающихся странах и поддерживаемый нашими реформаторами, включает и другие компоненты.

В.Г.: Я не буду возражать, имея ввиду неквалифицированную и конъюнктурную болтовню о модернизации (о которой пишут люди, не изучавшие ни историй, ни теорий модернизации) и о гражданском обществе, под которым каждый понимает свое и особенно усердствуют его бывшие критики и даже враги. Мы открыли семинар «Социальная философия и развитие гражданского общества в России», на котором пытаемся отделить зерна от плевел. А также отделить политологическое моделирование возможных типов гражданского общества от своей задачи — выяснения, каково состояние нашего общества и какой механизм формирования гражданских инициатив и ассоциаций ему подходит. Кстати, я не знала о теме Вашей докторской диссертации, непременно почитаю ее.

О личном вкладе в общее дело философии

Ю.М.: О Вашем высоком научном рейтинге я уже говорил. Ваши идеи прочно вошли в философский и научный оборот. Вас не только цитируют, но и считают признанным авторитетом социальной философии. В этой области я смело мог бы присвоить Вам первое место. Ваши возможные конкуренты отстают, как минимум, на полдистанции. Но всё это социальные игры, которые тешат наши амбиции, но не имеют прямого отношения к творчеству. В творческом плане у Вас также всё в порядке. Не разделяя некоторых Ваших методологических установок, я не перестаю восхищаться теоретической основательностью исследований, которые Вы инициируете и проводите с какой-то невероятной энергией. Ваша научная продуктивность поражает воображение.

Но хватит compleментов. Добавлю одну «ложку дёгтя». Я знаю Вас как специалиста по проблемам социального познания и модернизации, но пока никак не могу представить себе то философское направление, в которое «вписываются» большинство Ваших исследований и публикаций.

Вопрос, что называется, в лоб. Как Вы сами оцениваете свои личные заслуги в философии? Каким Вы видите свой персональный вклад в развитие философского знания? Какое философское направление (течение) Вы представляете и развиваете? Честно говоря, я не верю в одиноких волков (или волчиц).

В.Г.: Я представляю социальную философию науки и социальную философию в целом. В области социальной философии науки мной были предложены две обще-

научные исследовательские программы – натурализм и культур-центризм и раскрыта возможность их применения как в социальных науках, так и в естествознании. Мною изучены образцы такого применения и более общие соотношения между сциентизмом и антисциентизмом. Я занималась и занимаюсь методологией социального познания, много лет была заведующей сектором с одноименным названием.

Мною выработана концепция соотношения практического и духовного освоения действительности, изложенная в книге с одноименным названием. Эта проблематика получила развитие в монографии «Хорошее общество», где я дала анализ российского общества после распада СССР. Работая над ней, я обнаружила, что часто склонная к апатии Россия, не имеет работ, анализирующих апатию и постаралась заполнить этот вакуум. В работе имеются и практические предложения выхода из радикализма, вытекающие из концепций социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана.

Я не вполне согласна с критикой опоры на западные источники. Запад прошел большой путь модернизации и самоконструирования, который данные авторы тщательно изучили и дали понимание механизма этого конструирования. Я предложила концепцию нового современного терроризма как архаической политизации, направленной против населения с целью заставить его давить на свое правительство в пользу террористов, чтобы избежать их атак.

Сквозной проблемой моих исследований является модернизация. Для тех, кто поменял свои «изменения», «развитие», «трансформация», «преобразования», не зная теорий и историй модернизаций, могу сказать, что я знаю эти теории и истории, много писала об этом. И между незнанием и знанием реальных процессов модернизации лежит пропасть, которую, я надеюсь, видит читатель.

Много лет я занимаюсь историей и теорией капитализма, типами модерна, переходами между первым, вторым и третьим сегодняшним модерном. Я показала, что переходные этапы между ними всегда были кризисными. После выхода книги «Глобальный капитализм: Три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества», написанной совместно с В.А. Колпаковым и Н.Н. Федотовой, мы сделали немало совместных и раздельных статей по данной проблеме. Книга заняла первое место на Институтском конкурсе.

Мы выпустили десяток коллективных монографий и сделали проблемы модернизации, капитализма, национальных моделей модернизации и капитализма центральными в исследованиях сектора. Большим удивлением было для нас то, что в библиотеке Конгресса США, в библиотеке Колумбийского университета есть полная подборка книг сектора, начиная с советских времен, до новейших изданий. Некоторые статьи наших сотрудников, включая И.Н. Сиземскую, меня и других переведены на английский язык.

Здесь же отмечу мои «руководящие» роли. Я была много лет заведующей сектором методологии социального познания и затем, начиная с 2003 в течение 10 лет – заведующей сектором социальной философии. В настоящее время я – руководитель научного направления и институтского семинара «Социальная философия и развитие гражданского общества в России», что Вы уже упомянули. Много раз участвовала во Всемирных философских конгрессах. На последнем конгрессе в Греции была руководителем секции «Социальная философия», выступала с докладами как пленарными, так и секционными на многих российских и международных конференциях.

Ю.М.: *Ваша социальная востребованность как специалиста в области философии не вызывает сомнений. Вас постоянно приглашают для чтения лекций отечественные и зарубежные вузы. Вы регулярно получаете гранты на протяжении последних лет. В нашем институте Ваши семинары и публичные выступления набирают полные аудитории слушателей. Одним словом, Вы — не только эффективный исследователь, но и публичная личность, пользующаяся влиянием в философских кругах.*

И всё же у меня есть ощущение, что Ваша социальная активность далеко не всем нравится. Да и сверху, со стороны руководства, хотя Вам и идут навстречу, но всё же очерчивают круг возможностей, за пределы которого выходить не рекомендуется. Я это знаю по собственному опыту. Стараюсь извлечь максимум пользы и комфорта из своего заточения в клетке. Возможно, я ошибаюсь, приписывая Вам некоторые, не существующие на самом деле особенности Вашего социального окружения. Мне кажется, что Вы не достигли своего социального потолка и могли бы послужить философии на управленческом поприще. Вы явно превышаете уровень руководителя научного направления и, уж тем более, заведующего сектором. Вполне возможно, что карьера руководителя науки Вас никогда не интересовала. Но куда деть Ваши несомненные лидерские качества? Вы прекрасно сочетаете в себе функции содержательного лидера и организатора (модератора).

Как Вы сами оцениваете свою ситуацию научного и околонаучного взаимодействия? Имеются ли ограничения Вашей активности в публичном пространстве? Какую область научно-организационной деятельности Вы считаете для себя приоритетной?

В.Г.: *Прежде всего, я хочу повторить теорему Томаса: «Если нечто принято за реальность, оно реально в своих последствиях». Вы — известный ученый, выпускаете хороший журнал, работаете в ИФ РАН и РАНХиГС, доктор наук, профессор, известный своими публикациями. Это — реальность. Главное для меня — я делаю любимую работу и не очень сосредотачиваюсь на том, кто меня любит, а кто нет. Есть инерция недоверия к работам по социальным проблемам, подозрение в их идеологичности, упрощенной трактовки исторического материализма как марксистского предшественника социальной философии. Если нас кто-то «не любит», а я бы точнее сказала, «не видит, не читая», так и мы не всех читаем. Мне важнее, кого и что я люблю. Некоторые сюжеты моих работ еще не стали предметом общих интересов в институте, но я не вижу в этом отношения к себе (я имею в виду работы по истории капитализма, экономики, соотношении экономики и общества, некоторые из которых написаны в соавторстве). Кроме того, я уверена, что философия не сможет обходить эти сюжеты слишком долго.*

Ю.М.: *Теперь о Ваших личных достижениях. Не нужно заниматься статистикой, чтобы оценить объем проделанной Вами работы. За последние 20 лет Вы выпустили около двадцати индивидуальных и коллективных монографий (в год выходила примерно 1 книга). За этот период Вами опубликовано больше сотни научных статей в ведущих академических журналах, успешно проведены десятки конференций и семинаров. Я бы назвал период 1995-2015 гг. самым продуктивным в Вашей научной биографии. Его можно сравнить лишь с космическим взрывом и образованием новой, сверхмощной звезды. Энергии последней с избытком хватило бы для десяти научных сотрудников. Трудно представить, что это сделал один человек, да еще женщина, у которой, кроме науки, имеются еще многочисленные семейные обязанности.*

Как Вы понимаете, это – всего лишь это артподготовка. Каждый целеустремленный человек на протяжении своей сознательной жизни возводит себе дом бытия (памятник у особо честолюбивых людей), чтобы вдохновлять его величием потомков и, конечно же, желая того или нет, чтобы оставить тот самый незабываемый «след». Уже в зрелом возрасте состоявшийся ученый (философ) оставляет время для шлифовки и доводки созданной им конструкции: пишет мемуары, издает собрание сочинений (избранные труды) и юбилейные сборники, заботится о продвижении своих учеников и последователей и т.д. Одним, словом, оформляет результаты своей кипучей деятельности, облачая их в красивые и представительные формы. Он (не без наивности) полагает, что именно таким, энергичным, плодовитым и заботливым его запомнят потомки. Но проходит время и память стирает воспоминания о былых заслугах этого человека. Остаются лишь импульсы его идей и мерцающий свет мыслей. Именно такими мы представляем тех, кого принято считать классиками философии.

А теперь вопросы, выражающие сомнения, свойственные нам, философствующим людям. Сначала провокационный вопрос («предупреждён, значит вооружён»). Вы уже начали подводить итоги своей бурной творческой деятельности или отложили это занятие на потом? Что нас ждёт в ближайшие годы: новые фундаментальные книги, юбилейные мероприятия, неожиданные проекты?

Каково это быть мегазвездой отечественной философии? Поверьте, в моих словах нет никакой иронии. Я рассуждаю слишком трезво, хотя, надеюсь, не цинично. Вокруг много звездочек, но большие звезды в силу физических законов заставляют их вращаться вокруг себя. Что Вы ощущаете – ответственность за своих, менее удачливых коллег и сотрудников, чувство законного превосходства и конкурентное преимущество, прилив творческой энергии, усталость от завистливых взглядов и нескончаемых склок? Что еще? Малые звезды часто склонны компенсировать недостаток собственной энергии излишней суетой, чтобы замаскировать слабость и бессилие. При этом они страдают завышенным самомнением, скрывающим их страх быть, в конце концов, поглощенными другими, более мощными космическими телами.

И что даёт Вам силы снова и снова продолжать работать на избранном однажды поприще? Ведь звезды в науке и философии излучают огромное количество энергии, подпитывая вместе с тем звезды меньшей величины. Но большая часть энергии уходит, как известно, в пустоту (космический вакуум). Каково это осознавать, что ваша энергия безвозвратно уходит, заполняя собой пустоты в социальном пространстве?

Наконец, последний вопрос в этом ряду. Удалось ли Вам построить свой дом бытия? Каков его эскиз?

В.Г.: Доброе слово и кошке приятно, но боюсь, что Вы мне льстите. Но благодарна, даже если и так. Относительно итогов творческой деятельности. Поскольку я не системосозидатель, а философский исследователь своего предмета, мне и в голову не приходит заручиться какими-то вечными итогами. Если Вы имеете в виду мой возраст, то я отвечаю, что я не думала, что кому-то кажусь старой, но отвечаю статьёй об эйджизме, которую хочу написать уже давно. Возраст – это мировоззрение, и в моей концепции философии не как завершённого продукта, а как открытого процесса, в моем видении жизни как открытости другим нет места возрасту.

Ю.М.: *Благодарю за искренние и откровенные ответы!*

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. — М.: Изд-во “Правда”, 1989. — 608 с.
2. Визгин В.П. Как я понимаю философию философии истории (Гегель) // http://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/pj/pj_2/2.pdf (обращение — 20.08.2013 г.).
3. Ясперс К. Философия. Книга первая. Философское ориентирование в мире: Пер. А.К. Судакова. — М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2012. — 384 с.

BIBLIOGRAPHY

1. Berdyaev N.A. *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva.* — M.: Izd-vo “Pravda”, 1989. — 608 s.
2. Vizgin V.P. *Kak ya ponimayu filosofiyu filosofii istorii (Gegel)* // http://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/pj/pj_2/2.pdf (obrashchenie — 20.08.2013 g.).
3. Yaspers K. *Filosofiya. Kniga pervaya. Filosofskoe orientirovanie v mire:* Per. A.K. Sudakova. — M.: Kanon+ROOI «Reabilitatsiya», 2012. — 384 s.

Поступила в редакцию 15.11.2015 г.

UDC 316

DOI: 1606-951X.2015.2.2113

УСТРОИТЕЛЬ СО-БЫТИЯ. К ЮБИЛЕЮ З.Х.-М. САРАЛИЕВОЙ

У Зарэтхан Хаджи-Муратовны Саралиевой 16 сентября 2015 г. состоялся настоящий юбилей. Ей исполнилось 80 лет. Всех её заслуг перед наукой и высшей школой не перечислить.

Поздравления идут со всех регионов России и многих зарубежных стран. Казалось бы, жизнь состоялась и можно почитать на лаврах. Книги, конференции, ученики, кафедра — всего этого у неё предостаточно. Но такая ситуация явно не устраивает не только юбиляра, но и всех тех, кто её хорошо знает. Нынешнее состояние Зарэтхан Хаджи-Муратовны можно выразить одним кратким предложением: она находится в творческом поиске. Я не буду перечислять все её многочисленные звания и должности. Их у неё много, но не только в них заключается секрет её научного влияния и личного обаяния.

Поскольку мне трудно избавиться от своего персонализма, то попытаюсь представить некоторые личностные черты Зарэтхан Хаджи-Муратовны, которые проявляются в повседневности и находятся в тени «звездного света», льющегося обильно на её стройную фигуру из всех возможных инстанций. Я давно хотел задать ей вопросы, относящиеся к загадкам её необыкновенной личности, и теперь воспользуюсь случаем, чтобы сделать это публично. Пусть наше интервью с ней растянется на несколько публикаций. Будем считать, что начало положено.

Саралиева Зарэтхан Хаджи-Муратовна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой общей социологии и социальной работы ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Нижний Новгород). E-mail: zara@fsn.unn.ru.